

вертикальных и горизонтальных связей внутри партии. Утратили прежнее значение и частные пожертвования, игравшие до этого существенную роль.

Таким образом, идеальным вариантом для Н. Е. Маркова было бы отсутствие какой-либо зависимости от правительства, в том числе и финансовой. Имея источником финансирования частные пожертвования, СРН мог бы вести совершенно независимую политику, избежать корректировки своей позиции по ряду вопросов в результате давления правительства.

Принимая деньги от правительства, лидер СРН не видел в этом ничего зазорного, считая вполне естественным финансирование монархической партии монархическим правительством. Однако, признавая вслед за общественным мнением такую связь унижительной, Н. Е. Марков был вынужден публично ее отрицать, указывая, что СРН от правительства ничего не получает, а источником финансирования называл частные пожертвования. Но, как известно, в том числе и из допросов самого Н. Е. Маркова, это была несомненная игра словами, поскольку СРН получал деньги от своего руководителя, который, в свою очередь, – от правительства. Отдельно необходимо остановиться на финансировании правительством правых партий. Существовая первоначально на частные пожертвования, черносотенные союзы довольно быстро поняли бесперспективность своей деятельности без существенного источника финансирования. Таковыми стали правительственные субсидии, выдававшиеся непосредственно председателю СРН. Однако принятие финансовых средств от правительства поставило правых в известную зависимость и позволило П. А. Столыпину и его преемникам влиять на деятельность черносотенцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михайлова Е. М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика. Казань, 2007.
2. Бузмаков Е. Л. Черносотенные организации в Сибири, 1905–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Томск, 2000.
3. Допрос Н. Е. Маркова от 24 июля 1917 г. // Падение царского режима / под ред. П. Е. Щеголева : в 7 т. М. ; Л., 1926. Т. 6. С. 175–206.
4. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.
5. Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001.
6. Устав Союза русского народа // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. / сост. А. Черновский. М. ; Л., 1929. С. 411–418.
7. Платформа Союза русского народа по выборам в I Государственную думу // Правые партии : в 2 т. / редкол.: Ю. И. Кирьянов [и др.]. М., 1998. Т. 1. С. 100–163.
8. Обращение от Союза русских людей (ноябрь 1905 г.) // Правые партии : в 2 т. / редкол.: Ю. И. Кирьянов [и др.]. М., 1998. Т. 1. С. 77–78.
9. Падение царского режима / под ред. П. Е. Щеголева : в 7 т. М. ; Л., 1924–1927.
10. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. / сост. А. Черновский. М. ; Л., 1929.
11. Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев: научная биография : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2007.
12. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ : в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 174–200.
13. Кирьянов Ю. И. Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопр. истории. 1997. № 6. С. 104–124.
14. Кирьянов Ю. И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отеч. история. 1999. № 5. С. 29–43.
15. Крыжановский С. Е. Воспоминания: Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.

Поступила в редакцию 24.03.2015.

Артем Игоревич Курицын – соискатель кафедры истории России исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета БГУ В. И. Меньковский.

УДК [2-9:271.2+329]«19»

Н. Н. ГОНЧАРОВ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗАПАДНОРУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ИЕРАРХОВ ПОГРОМНОМУ ДВИЖЕНИЮ (1903–1913 гг.)

Актуальность статьи определяется объективным концептуальным подходом к установлению эффективных способов консолидации общества на основе христианского аксиологического универсализма. В публикации раскрыт механизм влияния христианских православных ценностей (через деятельность иерархов церкви) на стабилизацию общественно-политической жизни в Северо-Западном крае. Детализированы канонические меры стабилизации православно-русского народного сознания – стержневой компонент механизма влияния Российской православной церкви на тенденции общественной жизни. Раскрыта основная причина массовых беспорядков в западных губерниях Российской империи – социально-классовая радикализация. Показано, как экстремистский импульс исходил из Юго-Западного края. Конкретизированы главные элементы механизма десоциализации личности экстремиста – правовой и нравственный нигилизм. Установлено, что христианский аксиологический универсализм стабилизировал черносотенное движение.

Ключевые слова: христианские ценности; легализация; правовой нигилизм; нравственный нигилизм; десоциализация личности; социально-классовая радикализация; архиерейские послания; санкции Синода.

Specified initial measures of stabilization of the Orthodox-Russian national consciousness – a rod component of the mechanism of influence of the Russian Orthodox Church on tendencies of public life. The main reason for mass riots in the western areas of the Russian Empire – radicalization of a social class is open. It is shown when the extremist impulse arrived from Southwest area. The main elements of the desocialization mechanism of the identity of the extremist – legal and moral nihilism are concretized. It is established: Christian universalism stabilized the movement of black hundred.

Key words: Christian values; legalization; legal nihilism; moral nihilism; desocialization of the personality; social-class radicalization; episcopal messages; sanctions Synod.

В процессе капиталистической модернизации начала XX в. социально-классовая радикализация содействовала включению белорусских территорий в зону влияния «черной сотни». По данным переписи населения 1897 г., в пяти городских центрах Виленской, Витебской, Гродненской, Могилёвской и Минской губерний белорусские пролетарии составили 5,9 тыс. (8,7 %); русские – 11,1 тыс. (16,3 %); поляки – 14,1 тыс. (20,7 %); еврейский пролетариат – 36,2 тыс. (53,2 %); прочие – 0,7 тыс. (1 %) [1, с. 12]. Концентрация в городах еврейского пролетариата – следствие ограничительных законов «черты оседлости» [2, с. 255]. В обозначенных пяти губерниях в торгово-промышленной крупной буржуазии доля белорусов равнялась 5,8 тыс. (17,7 %); русских – 3,3 тыс. (10 %); поляков – 3,4 тыс. (10,3 %); еврейской буржуазии – 19,6 тыс. (59,4 %); прочих – 0,9 тыс. (2,7 %) [1, с. 15].

Отсутствие в еврейской диаспоре родовой аристократии по образцу европейского дворянства ставило этот народ в зависимое положение от местных аристократических верхов, что не покрывалось даже преобладанием крупной еврейской буржуазии. На экономической основе возникает конфронтация между российскими праворадикалами и освободительным движением окраинных народов. «Революция справа» имела целью решение социально-классовых противоречий за счет экономической базы инородческого капитала [3, с. 189–190]. В отношении белорусских территорий погромный импульс исходил из Юго-Западного края империи – прослеживается как личностная, так и организационная связь. Молдаванин П. Крушеван, известный как публицист, причастный к кишиневскому погрому 6–8 апреля 1903 г., длительное время перед этими событиями был служащим в минской акцизной управе, в 1887–1895 гг. сотрудничал с изданиями «Минский листок», «Виленский вестник» [4, с. 27].

Нелегальный Союз пинских монархистов активизируется 16 апреля 1903 г. (прокламации с призывом следовать «кишиневскому примеру») в той же Минской губернии на предельно южной периферии белорусской территории в Пинске. Примеру черносотенной агитации следует 29 апреля 1903 г. Русский союз в Бобруйске. Вслед за кишиневским погромом 6–8 апреля 1903 г. на крайнем юго-востоке белорусских территорий гомельским погромом 1–2 сентября 1903 г. (погибли 12 чел.: 7 евреев, 5 христиан) было положено «начало целой серии погромных инцидентов <...> до середины 1906 г.» [5, с. 87].

Первоначальная направленность погромного вектора наблюдалась с юга на северо-восток белорусских территорий с исходной точкой в Юго-Западном крае (кишиневский погром 1903 г.). Организованная причастность черносотенцев к «мобилизационным» 14 погромам осени 1904 г. не выявлена, как и к большинству инцидентов весны – осени 1905 г. [5, с. 85]. Только на судебном процессе 12–24 ноября 1907 г. в Орше в рамках Могилёвского окружного суда по итогам оршанского погрома (за 21–24 октября 1905 г. 28–30 жертв) лидер местного отдела Союза русских людей (СРЛ) был свидетелем в пользу письмоводителя полицейского участка Т. Синицкого из числа 58 подсудимых [6, с. 75].

Черносотенцы в прокламациях критиковали бюрократию и аполитичную часть духовенства. Департамент полиции МВД в секретном циркуляре 14 апреля 1905 г. определял агитацию нелегальной Первой русской партии в защиту самодержавия в Двинске как опасность для правительства, аналогичную радикализму левых партий [7, л. 378 об., 380].

В октябре 1905 г. прошла волна 23 погромов: 12 – в Могилёвской, 8 – в Минской, 3 – в Витебской губерниях [8, с. 118–119]. В гомельском инциденте 13–14 января 1906 г. Союз русских патриотов активно громил экономическую базу финансирования революционных организаций. Материальный ущерб достигал 4 млн руб. По официальным данным, количество жертв – 1 чел. По свидетельству очевидцев, 4 – погибших, 11 – раненых [5, с. 87].

В Белостоке погромные акции 1–3 июня 1906 г. были организованы на местном административно-полицейском уровне с участием многоэтнического погромного элемента. По данным комиссии II Государственной думы (М. Араканцев, Е. Щепкин, В. Якубсон), с целью противодействия революционному террору полиция решилась на массовую акцию устрашения против Бунда, результатом которой стали 88 погибших и 82 раненых (с обеих сторон). Белостокский отдел СРЛ содействовал военным и полиции посредством распространения прокламаций, отпечатанных в штабе Одесского военного округа [9, л. 291 об., 449 об., 731 об.].

Вызванная белостокским погромом 1–3 июня 1906 г. активность революционно-демократических организаций привела к интернациональной солидарности рабочего класса в борьбе с реакцией. Не остались в стороне и другие общественные силы: католическое духовенство пыталось 1 июня 1906 г. урезонить польско-католические народные массы, поддавшиеся общему смятению в первые часы белостокского погрома [9, л. 324 об., 533]. Это было особенно актуально в контексте

антисемитских настроений среди польских националистических кругов начала XX в. (по данным Ш. Эттингера) [10, с. 439, 441].

С 1903 до 1906 г. на белорусских территориях прошло не менее 50 погромов [4, с. 27]. В западных губерниях их число не превышало степени экстремизма общероссийских погромных акций, количество которых только за 18–29 октября 1905 г. в масштабах империи составило 690 инцидентов [11, с. 109, 113]. Как отмечает исследователь сионизма В. Томашевич, «социально-экономическое положение еврейства в северо-западных губерниях империи было наиболее тяжелым. Именно данный фактор определил здесь более мягкий характер социального конфликта между христианами и евреями, более сдержанное проявление антисемитизма...» [12, с. 10]. Рабочие в 1903–1905 гг. противодействовали погромным акциям созданием боевых дружин в Гомеле, Копыси (150 чел.), Минске, Могилёве, Пинске (до 300 чел.), Орше [13, с. 194].

Спад погромного движения совпадает с завершением первой российской революции 1905–1907 гг. «Революция завершилась в 1907 г. диктаторским режимом Столыпина, обуздавшего <...> и погромное движение. Столыпин был заинтересован в некотором смягчении антиеврейской политики – из желания вернуть доверие к русским ценным бумагам на международном рынке <...> Погромное движение было отчасти укрощено...» – констатирует Ш. Эттингер [10, с. 440]. Преступления и десятки жертв свидетельствуют о тенденции десоциализации личности экстремиста, нарушившего систему социальных отношений, которая регулируется нормами морали и права (рис. 1).

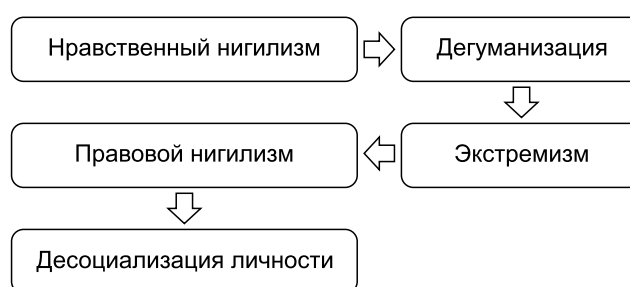

Рис. 1. Механизм десоциализации личности экстремиста

В белостокском погроме 1906 г. проявилась классовая мотивация действий «громил», следовавших призывам: «На вокзале приходится бить *только бедноту*, а нужно идти в город и *там разбивать магазины* и избивать жидов...» [9, л. 731]. Современники опасались социального взрыва из-за эскалации насилия. По свидетельству сиониста В. Жаботинского, погромное противостояние носило крайне ожесточенный характер. Независимо от национальности и партийной принадлежности правовой и нравственный нигилизм экстремистов усиливал социально-классовую радикализацию [2, с. 245, 250].

Для нейтрализации трансформации погромных беспорядков в социальную катастрофу оказалась востребованной христианская система ценностей. В западной России монархисты имели надежных покровителей из высших иерархов церкви, авторитет которых был непререкаем в народе. Под архиерейской эгидой назначенного на Волынскую кафедру в 1902 г. Антония (Храповицкого) был организован почаяевский отдел Союза русского народа (СРН), которым руководил в августе 1906 – феврале 1917 г. архимандрит Виталий (Максименко), настоятель Почаяевской лавры с 1908 г. Летом 1911 г. Антоний (Храповицкий) в сослужении епископа Гдовского Вениамина (Казанского) и епископа Гродненского Михаила (Ермакова) совершили чин закладки Феодоровского собора в память 300-летия династии Романовых, который строился при поддержке всего СРН [14, с. 35].

В Юго-Западном крае отдельные идеологи монархизма проявляли праворадикальную позицию: архимандрит Виталий (Максименко) «завещал», чтобы «нечисти», добивавшейся «конституции и равноправия... у нас», не осталось «и духу... в России» [15, с. 423]. Однако православные иерархи-монархисты делали ставку не на массовый террор, а на легитимные средства политической борьбы с уверенностью, что царь сам будет «царствовать своей властью» – позиция состоявшего в Могилёвском Богоявленском братстве члена Синода отца Иоанна (Кронштадтского), вступившего в 1908 г. в СРН. Состоявшиеся погромы отец Иоанн (Кронштадтский) определил как явление, противоречившее христианской морали. Ориентировал паству на силу закона и Антоний (Храповицкий): «Доходят до нас... вести о том, что в городе Кишиневе... происходило... бесчеловечное избиение несчастных евреев... О, Боже! Как потеряла Твоя Благодать такое поругание!...» [11, с. 103].

Противодействуя массовым беспорядкам, иерархи церкви применяли канонические меры: запретные санкции и послания Синода; архиерейские послания; богослужебные действия (рис. 2).

Рис. 2. Канонические меры стабилизации общественного сознания

Православный епископат дистанцировался от каких-либо незаконных приемов еще до синодального послания против массового насилия от 28 октября 1905 г. В связи с изданием Манифеста 6 августа 1905 г. епископ Могилёвский и Мстиславский Стефан в официальном обращении ориентировал паству на законные способы политической борьбы [16, с. 3]. Архиерейские призывы активно выполнялись епархиальным духовенством на белорусской территории. В Орше 21–24 октября 1905 г. настоятель оршанского собора протоиерей Маслов, воздействуя на погромную толпу, стремился предотвратить напрасные жертвы среди населения [6, с. 5, 22]. По следам погрома 1–3 июня 1906 г. соборный священник о. Михаил Пешковский с целью установления правопорядка участвовал в экстренном заседании городской думы Белостока 6 июня 1906 г. [9, л. 291, 324 об.].

Официальные институты Российской православной церкви занимали стабилизирующую позицию в 1905–1907 гг. Синод нейтрализовывал крайности черносотенного духовенства: ввел запретные санкции на политическую деятельность иеромонаха Иллиодора, соратника Виталия (Максименко). Из сообщения неофициальной части «Минских епархиальных ведомостей» за 15 мая 1907 г.: «Особым распоряжением Синода на имя настоятеля Почаевской лавры иером. Иллиодору воспрещено писать статьи на политические темы в повременной печати. Синод предупреждает <...> выпуск Иллиодором <...> листов и брошюр повлечет за собой клиросное подначалие в одном из наиболее строгих монастырей на севере (С. Р. № 77)» [17, с. 319].

Политическая поляризация общественных сил после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. привела к активизации погромного движения. Синод 28 октября 1905 г. призвал население остановить междоусобие: «Манифестом 17-го октября <...> Государь благоволил возвестить <...> свободу гражданскую и духовную <...> И да послужит даруемая нам свобода не свободой на своеволие и буйство мятежное, ведущее ко вражде братоубийственной, а свободой Христовой, свободой мира и любви не только к друзьям и братьям христианам, но и к людям, чуждым Святой вере нашей» [18, л. 15а, 15а об.].

На стабилизирующей функции православных иерархов в событиях, последовавших за объявлением Манифеста 17 октября 1905 г., акцентировал внимание современный российский философ М. Хижий [19, с. 18]. Призыв Синода к прекращению вражды от 28 октября 1905 г. активно претворялся в жизнь епархиальными властями. В докладе Минской духовной консистории Михаилу (Темнорусову), епископу Минскому и Туровскому, 9 ноября 1905 г. отмечалось, что вследствие телеграммы митрополита С.-Петербургского Антония «о прочтении в церквях и распространении в народе <...> послания Святейшего Синода чадам православных церквей... Консистория распорядилась <...> об отпечатании этого послания <...> в числе 10 000 экземпляров для рассылки их чрез благочинных приходским священникам, с целью раздачи их прихожанам...» [18, л. 15]. Заказ Минской духовной консистории (с расходной суммой в 17 руб.) на десяти тысячный тираж посланий Синода об умиротворении населения проходил через типографию С. Некрасова, впоследствии лидера Минского братства Животворящего Креста. Позднее С. Некрасов стал активистом Русского окраинного союза [18, л. 15].

После октябрьских погромов 1905 г. в архипастырском обращении, опубликованном 1 ноября 1905 г. в «Епархиальных ведомостях», могилёвский епископ Стефан (Архангельский) указывал на отрицательную позицию Синода в отношении массовых беспорядков, которые могли стать детонатором социальной революции. Стефан (Архангельский) призывал ориентироваться на «Богоустановленный закон человеческого общежития... Если друг друга угрызают и съедают, говорит апостол, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом (Галат. 5, 15)», так как «всякое отступление от Божественного закона, заключенного в слове: *люби ближнего своего, как самого себя*, роковым образом влечет за собою... *расстройство уже достигнутого благополучия*» [20, с. 589–590].

Для умиротворения народа вводились особые *богослужебные действия*. «Предложение Его Преосвященства, Преосвященного Стефана, епископа Могилёвского и Мстиславского, от 27 октября 1905 г. № 819», появившееся по принципу соборности, в результате совещания православного иерарха с «могилёво-градскими пастырями» и адресованное Духовной консистории, содержало

установку «дать знать по епархии», чтобы во всех православных храмах *впредь до окончания смуты и нестроений в отечестве нашем, на суебой эктении при Богослужениях были прибавляемы... прошения из службы «О умножении любви и искоренении ненависти и всякой злобы»*... [21, с. 255].

С целью стабилизации народного сознания православные иерархи оказывали организационное содействие легализации деятельности монархистов. На белорусской территории *первая легальная* черносотенная организация «Союз русских людей при Могилёвском Богоявленском братстве» была создана 24 октября – 15 ноября 1905 г. председателем совета братства архимандритом Митрофаном (Краснопольским) по благословению епископа Стефана (Архангельского), покровителя и почетного члена братства. В соответствии с программой могилёвского объединения СРЛ активность черносотенцев направлялась «отцами церкви» в правовое русло [22, с. 643].

Показателен процесс становления второго легального монархического формирования «Христианское общество за Царя и Отечество», фактически созданного 11 декабря 1905 г. в Бобруйске (при поддержке 600 чел.) и легализованного минским губернатором П. Курловым 9 января 1906 г. Изначально экстремистская тенденция в деятельности жителей – патриотов Бобруйска была представлена формальным руководителем В. Сурмачем, требовавшим от П. Курлова выдачи револьверов для ополчения вольной дружины. Преобладавшим стало *легитимное направление*: «Вообще члены вновь образовавшегося Христианского общества за Царя и Отечество добиваются *законного порядка к проведению своих идей*» (из рапорта бобруйского полицеймейстера от 3 января 1906 г.) [7, л. 620]. Христианами-патриотами под идеологическим влиянием духовного лидера отставного священника Евгения Пашина планировалось участие в выборах в Государственную думу и сотрудничество с *легальными* монархическими партиями, с аристократическим Русским собранием Санкт-Петербурга [7, л. 594 об., 620 об.].

Определяющее влияние высших задач христианского вероучения на отказ правых от экстремизма (от тотального геноцида в решении еврейского вопроса) было заложено в основу программных положений СРН 1906 г. [3, с. 191]. В результате на этапе радикализации монархистов в связи с киевским делом Бейлиса в 1913 г. племенной вражды не наблюдалось (по рапортам минскому губернатору уездных исправников) [23, л. 18, 59–59 об., 95, 99].

Таким образом, православные иерархи стремились остановить процесс трансформации массового насилия в социальный взрыв: а) каноническими мерами (архиерейские послания и санкции, богослужебные действия); б) личным авторитетом; в) организационным содействием партийной легализации монархистов. Православно-христианская религиозно-нравственная мотивация направляла монархистов на легитимную политическую активность – исторический факт, зафиксированный правыми в программных положениях СРН 1906 г. Результаты влияния православных ценностей на монархическую общественность проявились в отсутствие погромных инцидентов в 1913 г. Христианский аксиологический универсализм стабилизировал монархическое движение и содействовал консолидации общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бич М. О. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883–1903 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : № 571. Минск, 1970.
2. Жаботинский В. О железной стене: Речи, статьи, воспоминания. Минск, 2004.
3. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю. И. Кирьянов ; редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М., 1998. Т. 1.
4. Міхедзька В. А. Беларусь і беларусы ў ідэалогіі і дзейнасці расійскіх чарнасоценных арганізацый у пачатку XX стагоддзя // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2008. № 4. С. 26–32.
5. Міхедзька В. А. Антиеврейские погромы в Беларуси в начале XX века: генезис, мотивы, исполнители // Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков) : сб. материалов науч.-теорет. конф. (Гомель, 21 сент. 2003 г.). Гомель, 2004. С. 82–90.
6. Дело о погроме в Орше 21–24 октября 1905 года. СПб., 1908.
7. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7509.
8. Міхедзька В. А. Дзейнасць радыкальна правых расійскіх арганізацый у Беларусі ў пачатку XX ст. // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця : матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў (Мінск, 10–11 крас. 1997 г.). С. 118–120.
9. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 1416. Оп. 6. Д. 820.
10. Эттингер Ш. Правительственный антисемитизм в России и в Восточной Европе до Февральской революции // История еврейского народа / Ш. Эттингер [и др.] ; под ред. Ш. Эттингера. Иерусалим ; М., 2002. Ч. 5. С. 434–443.
11. Кожин В. В. Загадочные страницы истории XX века. Черносотенцы и революция. М., 1995.
12. Томашевич В. М. Зарождение и развитие сионизма в северо-западных губерниях Российской империи (начало 80-х гг. XIX в. – 1907 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Минск, 2003.
13. Бич М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. Минск, 1983.
14. Степанов А. Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 гг. / сост.: А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 34–37.
15. Из духовной и светской печати. Завещание архимандрита Виталия // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1907. № 13. С. 421–424.
16. Пастырям Могилевской церкви Преосвященнейшего Стефана, епископа Могилевского и Мстиславского. Могилев, 1905.
17. Из духовной и светской печати // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1907. № 10. С. 310–321.
18. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37182.

19. Хижий М. Л. Православие и идеология правого радикализма в начале XX столетия в России : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. СПб., 2006.
20. Смиранный Стефан, Епископ Могилевский и Мстиславский пастырям Могилевской церкви // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 21. С. 589–592.
21. Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Стефана, епископа Могилевского и Мстиславского, от 27 октября 1905 г. № 819 // Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1905. № 21. С. 255–256.
22. Союз русских людей при Могилевском Божоявленском Братстве // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 22. С. 643–648.
23. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8407.

Поступила в редакцию 24.03.2015.

Николай Николаевич Гончаров – аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ М. С. Корзун.

УДК 94(470)(075)

С. Н. ТЕМУШЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИОГРАФИИ СССР 1920–30-х гг.

Рассматривается постепенное проникновение марксистской парадигмы в труды советских историков 1920–30-х гг. на примере осмысления проблемы генезиса Древнерусского государства. В центре внимания автора находятся взгляды двух ведущих историков рассматриваемого периода – М. Н. Покровского и Б. Д. Грекова. Критика взглядов М. Н. Покровского на ключевые проблемы истории России в итоге привела к оформлению так называемой «вульгарно-социологизаторской» марксистской парадигмы. Обстоятельно рассматриваются отдельные положения марксистской теории, которые были восприняты советскими историками и непосредственно повлияли на понимание восточнославянского политогенеза. Важно обнаруживаемое изменение приоритетов в использовании методологического наследия классиков марксизма-ленинизма советскими историками на протяжении межвоенного периода. Применение марксистской теории к восточнославянскому материалу привело к значительным переменам в оценке роли внутри- и внешнеполитических факторов образования Древнерусского государства, разрыву с устоявшейся историографической традицией.

Ключевые слова: политогенез; Древнерусское государство; восточные славяне; историография; марксистская парадигма; историческая концепция; норманизм; антинорманизм; скандинавский фактор; классовая борьба.

The article discusses the gradual penetration of the Marxist paradigm in the works of Soviet historians of 1920–30s as an example the problem of understanding the genesis of the Ancient Russian State. The focus of the article are the views of two leading historians of the period under consideration – M. N. Pokrovsky and B. D. Grekov. Critique of views M. N. Pokrovsky on the key issues of the history of Russia eventually led to the design of the so-called «vulgar sotsiologizatorskoy» Marxist paradigm. Detail considered certain provisions of the Marxist theory, which had been adopted by Soviet historians and directly influenced the understanding of Eastern Slavic politogenesis. It is important to detection of a change of priorities in the use of methodological heritage of the classics of Marxism-Leninism for the Soviet historians during the interwar period. The application of Marxist theory to the East Slavic materials has led to significant changes in the assessment of the role of internal and external factors that led to the formation of the ancient Russian state, to a break with the established historiographical tradition.

Key words: politogenesis; Ancient Russian State; Eastern Slavs; historiography; the Marxist paradigm; historical concept; normanizm; antinormanizm; Scandinavian factor; class struggle.

В силу происшедших в России в октябре 1917 г. перемен историческая наука оказалась в очень сложном положении: установка на построение принципиально нового общественного строя и отказ от наследия прошлого («культурного балласта») нарушили преемственность с прежними научными школами, а новые исследования ограничивались и идеологически, и тематически. Безусловное господство получила марксистская концепция общественного развития, отдававшая приоритет рассмотрению социально-экономической истории и примеров классовой борьбы. Любые изменения, происходившие в обществе, включая изменения в культуре, языке, объяснялись перестройкой хозяйства (экономический детерминизм). В рамках марксистской концепции одним из основных компонентов является идея о смене общественно-экономических формаций, основанных на определенном способе производства (стадиализм, или теория стадильности) [1, 36]. Экономические отношения принадлежат базису, тогда как государство и право – надстройке, следовательно, последние всецело зависят от экономической структуры общества, полностью ею определяются, хотя и обладают определенной самостоятельностью. Государство же возникает в силу ряда социально-экономических причин: общественного разделения труда, появления прибавочного продукта и частной собственности, а затем классовой дифференциации общества. Именно эти изменения взрывают родовой строй [2, с. 77]. Двумя основными отличительными чертами государства – «продукта общества на известной ступени развития» (по Энгельсу) – являются «разделение подданных государства по *территориальным делениям*» и «учреждение *публичной власти*» [3, 362]. «Эта особая публичная власть, – писал ученый, – необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы» [3, с. 362–363]. Подавлять недовольство угнетенного, эксплуатируемого класса государство и призвано [3, с. 364]. Эти тезисы были положены в основу понимания советскими историками восточнославянского политогенеза.